Никулин Виктор Васильевич

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

В статье рассматриваются мировоззренческие и исторические корни большевизма, формирование его правовой доктрины и правосознания. Анализируется связь большевистской концепции права с формированием правосознания нового типа. Прослеживаются попытки советских правоведов реализовать мировоззренческие положения предшественников большевиков в концепции нового социалистического правосознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 153-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Этнорелигиозные сообщества с успехом приспособили традиционные идеологии под свои нужды, но не порвали с сектантством. Религию сменили идеологические верования. Идеологические разногласия внутри организации, члены которой являлись носителями сектантского сознания, выливались в борьбу, сопоставимую с той, что в век господства религии велась с ересями. Разрушительный потенциал нетерпимости, коренящийся в квази-религиозной основе сообществ и политических организаций, оказал огромное влияние на мировоззрение будущих представителей революционной элиты, принявшей непосредственное участие в событиях Революции и Гражданской войны.

Список литературы

1. **A Past Apart: Studies in the History of Catholic Belfast, 1850-1950** / ed. A. C. Hepburn. Belfast: Ulster Historical Foundation, 1996. 261 p.
2. **Coleman M.** Country Longford and the Irish Revolution 1910-1923. Dublin: Irish Academic Press, 2006. 276 p.
3. **Daly M. E.** Social and Economic History of Ireland since 1800. Dublin, 1981. 236 p.
4. **Devoy's Post Bag 1871-1928** / ed. by W. O'Brien and D. Ryan, introduction by P. S. O'Hegarty. Dublin: C. J. Fallon, Ltd., 1880-1928. Vol. II. 583 p.
5. **Dooley T.** 'The Land for the People'. The Land Question in Independent Ireland. Dublin: UCD Press, 2004. 306 p.
6. **Kelly M. J.** The Fenian Ideal and the Irish Nationalism 1882-1916. Woodbridge: The Boydel Press, 2008. 282 p.
7. **Lyons F. S. L.** Ireland since the Famine. L.: Fontana Press, 1985. 880 p.
8. **Morgan A.** Labour and Partition: the Belfast Working Class 1905-23. L. – Concord, MA: Pluto Press, 1991. 358 p.
9. **Phoenix E.** Northern Nationalism: Nationalist Politics, Partition and the Catholic Minority in Northern Ireland 1900-1940. Belfast: Ulster Historical Foundation, 1994. 492 p.
10. **Plunkett H.** Ireland in the New Century. L.: John Murray, 1904. 292 p.
11. **Staunton E.** The Nationalists of Northern Ireland 1918-1973. Dublin: The Columba Press, 2001. 397 p.
12. **Townshend Ch.** Political Violence in Ireland. Government and Resistance since 1848. Oxford: Clarendon Press, 1988. 445 p.

"SOCIAL" RHETORIC OF POLITICAL ORGANIZATIONS AND NATIONAL IDENTITY SPLIT IN IRELAND AT THE TURN OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES

Svetlana Viktorovna Mel'nikova, Ph. D. in Philosophy
Komsomol'sk-on-Amur
molinero.luz@gmail.com

The author discusses national identity crisis in the context of Ireland social problems of the beginning of the XXth century, considers crisis as the confrontation of ethnic communities sectarian and traditional values with alien reality imposing modernistic cultural patterns of bourgeois society, and concludes that it is the dominance of sectarian identity over a class one that made it impossible to realize social question significance.

Key words and phrases: social question in Ireland; Parliamentary Party; Irish Republican Brotherhood (IRB); United Irish League (UIL); Ancient Order of Hibernians (AOH); national identity image.

УДК 34

В статье рассматриваются мировоззренческие и исторические корни большевизма, формирование его правовой доктрины и правосознания. Анализируется связь большевистской концепции права с формированием правосознания нового типа. Прослеживаются попытки советских правоведов реализовать мировоззренческие положения предшественников большевиков в концепции нового социалистического правосознания.

Ключевые слова и фразы: марксизм; ленинизм; большевики; право; закон; правосознание; политика; концепция; насилие; революция; диктатура; государство.

Виктор Васильевич Никулин, д.и.н., профессор
Кафедра «Конституционное и административное право»
Тамбовский государственный технический университет
viktor.nikulin@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА©

Решение задачи построения в России правового государства напрямую связано с проблемой преодоления сохранившихся в современном правосознании российских граждан представлений о праве, законности, правосудии, характерных для советского периода. Отличительной чертой советского правосознания было нигилистическое отношение к праву и правовому порядку, отрицание социальной ценности права, что сказывается и в современных российских условиях в виде правового нигилизма как общесоциального явления. На сегодняшний день

© Никулин В. В., 2012

правовой нигилизм – это массовая и укоренившаяся форма правосознания основной массы граждан России, что становится серьезным препятствием на пути формирования правового государства. С точки зрения преодоления правового нигилизма важно изучение всех его аспектов, в том числе мировоззренческих и исторических.

В России в конце XIX – начале XX века происходило последовательное формирование права и правосознания. Хотя для российского правосознания характерной чертой оставался раскол русского правосознания – на «официальное» (правящая элита, интеллигенция) и «народное» (крестьянское), на фоне проводимых в стране политических, экономических и судебных реформ у граждан стали закладываться основы правосознания. Русские юристы рубежа XIX-XX веков Г. Ф. Шершеневич, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий формулировали основные теоретические подходы к трактовке сущности правосознания, началось формирование однородного правосознания, в основе которого лежало положительное отношение к праву. Однако процесс формирования российского правосознания был прерван в 1917 году, когда началась трансформация традиционного для России типа правосознания в новый тип правосознания – советское правосознание. Первый этап формирования правосознания советского типа определяется послереволюционным периодом (1917-1920 гг.), когда закладывались основы советской правовой системы. Второй этап – 1920-е годы, когда революционное правосознание оформилось в систему государственно-правовых решений, правоприменительную практику и правовое поведение советской бюрократии и простых граждан, которое можно определить как массовый российский правовой нигилизм.

В основе социалистического правосознания, безусловно, лежала большевистская теория права, основанная на марксистском понимании права. Большевики усвоили главное содержание марксистской теории – насилие есть революционная целесообразность, цель – всё, остальное второстепенно. В результате созрела исходная теория насилия, которой следовали и другие теории, в том числе и концепция права и правосознания. Ленинское видение роли права, правосознания в государстве «диктатуры пролетариата» логически вытекало из его теории государства. Поскольку для Ленина источником власти, легитимности является пролетариат, то диктатура пролетариата как определенная система власти не может быть ограничена формальным законом, применение насилия ею законно и необходимо [2, т. 41, с. 383].

Формулируя свою позицию о роли права в государстве, Ленин опирается на все основные положения марксизма по этому вопросу. Ленин рассматривал положение о праве при социализме как временное, необходимое по обстоятельствам присутствие именно буржуазного права. Буржуазное право при социализме отменяется лишь отчасти, только по отношению к средствам производства [Там же, т. 33, с. 93]. Ленин отмечал: «Не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди научатся работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу» [Там же, с. 95]. Стратегический курс – отказ от старого и создание нового социалистического типа права и правосознания.

Другое важнейшее обстоятельство, самым непосредственным образом определявшее содержание концепции права и правосознания, – это жесткая увязка права, политики и государственной власти. Ленин рассматривал право и его основное конкретное выражение – закон как неотъемлемое орудие политики и его функцию. Государство, право, политика неразрывно связаны между собой, представляя собой надстроечные явления над экономической основой. Ленин, вслед за классиками марксизма, отмечал, что закон есть «выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть» [Там же, т. 16, с. 306]. Позднее Ленин прямо трактовал закон как меру политическую: «Закон есть мера политическая, есть политика» [Там же, т. 30, с. 99]. Политика – важнейший компонент правотворческой деятельности государства, а юридические законы выступают как концентрированное выражение политики. То есть политика, право и правосознание суть явление одно, причем преимущество остается за политикой, право играет роль лишь вспомогательного средства политики.

Логическим следствием стал правовой экстремизм в форме чрезвычайного и политически аранжированного законодательства. В такой жесткой политико-государственной структуре место и роль права были весьма незначительными, что подтверждают последующие теоретические изыскания советских правоведов.

Центральной идеей их исследований была идея борьбы против права в его буржуазном понимании, против «буржуазного правосознания» как сугубо буржуазного мировоззрения. Право – лишь средство достижения конкретных целей революции, то есть объективное содержание права совпадало с революционной целесообразностью. Подобный подход базировался на утопическом представлении о психологическом единстве «трудящихся», о возможности привить им новое правосознание, которое сводилось бы к простым нормам поведения, которые всеми будут беспрекословно выполняться, а закон приобретет сведенную до минимума форму свода простых правил поведения на все случаи жизни. Это явление можно рассматривать как усиливавшуюся в теории права тенденцию сведения роли права и, соответственно, правосознания до минимума. Именно эти основные составляющие новой концепции права и правосознания нашли развитие в трудах Е. Б. Пашуканиса, П. И. Стучки, М. А. Рейснера, Г. М. Португалова и других советских правоведов.

Исходя из тождественности содержания права и революционной целесообразности, среди советских правоведов получила широкое распространение трактовка социалистического правосознания как формы реализации революционной целесообразности. Революционное правосознание рассматривалось как основа, как источник всего революционного права, в частности и сформулированного в кодексах и декретах. В более узком смысле оно означало форму и источник восполнения и применения действующего права, принцип и источник непосредственного правотворчества суда и органов, применяющих право. Социалистическое правосознание трактовалось как осознание необходимости при отправлении правосудия действовать, исходя из интересов пролетарской диктатуры и классовой борьбы. Г. М. Португалов, анализируя первые советские

правовые акты, пришел к выводу, что революционное правосознание стало способом восполнения пробелов в праве. Он рассматривает законодательство как закрепление революционного правосознания. «Законодательство пролетарской революции 1917 г., исходившее из предпосылок не правовых, а социальных, стало претворением социалистического правосознания в обязательные правила поведения членов трудовой коммуны, слив воедино революционную совесть его исполнителей», – писал он [5, с. 17]. При этом под «революционной совестью» Г. М. Португалов понимал субъективную способность осознать и применить революционное правосознание, уверенность в соответствии ему.

Реализация классового правопонимания и представлений о правосознании как источнике права неизбежно вела к вульгаризации права в целом. Так, П. Стучка, утверждая, что при социализме право находится в буржуазном виде ввиду неразвитости правосознания населения, а право как социальный институт лишь тормозит коммунистическое развитие, приходит к выводу, если пока без «нового советского права» обойтись нельзя, то необходимо его упростить. «На наших глазах происходит упрощение права, и для нас было ясно, что гражданские отношения должны быть понятны всякому толковому гражданину неюристу, как и юристу» [7, с. 70]. Бессмысленно «требовать от граждан обязательного подчинения законам, которые им непонятны», П. Стучка считал «величайшим лицемерием» говорить о справедливости в государстве, «где знание всех законов обязательно (ибо их незнанием запрещено отговариваться), а в то же время эти законы настолько сложны, что их понимать и верно толковать могут только специалисты-юристы» [Там же, с. 78].

М. Рейснер для обоснования тезиса о решающей роли правосознания в революционной смене одного типа государства другим использовал психологическую теорию права Л. И. Петражицкого. Теория Петражицкого, с его положением о том, что основу права и движущий источник его развития составляет психология человека, идеально подходила к обоснованию тезиса о «революционном правосознании». М. Рейснер полагал, что правосознание сможет полностью заменить право. «Зачем правовая регулировка, раз мы имеем твердо осознанный классовый интерес и надлежащие технические способы для его осуществления», – писал он [6, с. 205]. По его мнению, только на основе интуитивного права возможно настоящее классовое право, которое вырабатывается вне каких бы то ни было официальных рамок в рядах угнетенной и эксплуатируемой массы. Каждый класс обладает своим интуитивным правом, которое является субъективным правом данного класса. Такому субъективному праву противостоит право объективное (общее), которое устанавливается не одной стороной, а всем обществом на основе компромисса между ними в форме общего правопорядка, в котором классовое право господствующего класса занимает доминирующее положение. На первом этапе становления советского права концепция Рейснера, несмотря на свою нереальность, стала существенным элементом новой концепции права, поскольку она в какой-то степени соединяла классовую теорию с правом, создавала теоретическую основу тезису о революционном правосознании, которое, в свою очередь, олицетворялось с революционной законностью.

Сходные взгляды на проблемы правосознания высказывал А. В. Луначарский, который полагал, что «революционный класс приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в соответствии с новыми условиями жизни, несет новую судейскую совесть, новые представления о добре и зле». «Долой суды мумии, алтари умершего права, долой судей-банкиров, готовых на свежей могиле безраздельного господства капитала продолжать пить кровь живых. Да здравствует народ, создающий в своих кипящих, бродящих как молодое вино, сосудах право новое, справедливость для всех, право великого братства и равенства трудящихся», – призывал он [3, с. 12]. А. В. Луначарский неоднократно подчеркивал, что «живое право революционных классов», зародившееся в недрах старого общества, существенным образом определило содержание как революционного права, так и революционного правосознания.

Известный советский юрист Д. И. Курский в пример ставил деятельность революционных народных судов как нового источника правотворчества, особо выделяя то обстоятельство, что «в своей основной деятельности – уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется, прежде всего, своим правосознанием» [1, с. 67].

Отношение к праву как к явлению временному, чуждому социалистическому обществу пытался доказать в своих теоретических изысканиях Е. Б. Пашуканис. Он пришел к выводу, что буржуазное право – это исторически наиболее развитый, последний тип права, после которого невозможно какое-либо новое право. С этих позиций он отвергал возможность и «пролетарского права». По мнению Пашуканиса, буржуазное право еще существует в условиях социализма, но «постоянно преодолевается», представляя одну из форм политики пролетариата, а правовое сознание трудящихся – самостоятельное правовое средство для решения юридических задач. Правосознание объявлялось если не единственной, то основной формой существования права [4, с. 71-72, 187-188].

Можно констатировать, что послереволюционная концепция права и правосознания исходила из определяющей роли насилия в переустройстве мира на коммунистических началах. В этой догматически замкнутой системе последовательная концепция правосознания была невозможна, поскольку познание права сводилось к его отрицанию, что в свою очередь привело к исторически длительным негативным последствиям. Главное негативное последствие состояло как в отрицательном отношении к праву со стороны власти, так и в правовом поведении граждан, что в своей совокупности и составило то характерное для советского общества явление, которое можно определить как массовый правовой нигилизм, характерный и для сегодняшнего российского общества. Такое состояние опасно не только для состояния правопорядка в стране, но и для стабильности в обществе, поскольку порождает недоверие населения к закону и к властным структурам в целом. Задача преодоления правового нигилизма – задача первостепенной важности как для государства, так и для гражданского общества.

Список литературы

1. **Курский Д. И.** Избранные статьи и речи. М., 1948.
2. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Изд-е 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1967-1981.
3. **Луначарский А. В.** Революция и суд // Материалы НКЮ. М., 1918. Вып. 2.
4. **Пашуканис Е. Б.** Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980.
5. **Португалов В. М.** Революционная совесть и социалистическое правопонимание. СПб., 1922.
6. **Рейснер М.** Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925.
7. **Стучка П. И.** Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.

REVOLUTIONARY LEGAL CONSCIOUSNESS CONCEPTION IN BOLSHEVIK LAW THEORY

Viktor Vasil'evich Nikulin, Doctor in History, Professor
Department of Constitutional and Administrative Law
Tambov State Technical University
viktor.nikulin@mail.ru

The author considers the worldview and historical roots of Bolshevism, its legal doctrine and legal consciousness formation, analyzes the connection between Bolshevik conception of law and the formation of new type legal consciousness, and reveals soviet jurists' attempts to implement Bolsheviks' precursors' worldview regulations into new socialist legal consciousness conception.

Key words and phrases: Marxism; Leninism; Bolsheviks; right; law; legal consciousness; politics; conception; violence; revolution; dictatorship; state.

УДК 614.84

В статье дается оценка уровню профессиональной подготовки российских брандмейстеров на рубеже XIX-XX вв. Проанализированы причины открытия в 1906 году первого в России учебного заведения по подготовке специалистов пожарного дела. Особо подчеркивается вклад князя А. Д. Львова в дело повышения качества подготовки российских брандмейстеров.

Ключевые слова и фразы: брандмейстер; специальные навыки; подбор кадров; подготовка специалистов пожарного дела; школа брандмейстеров; профессиональные знания; качество подготовки.

Наталия Юрьевна Новичкова, к.и.н., доцент
Кафедра гуманитарных дисциплин
Ивановский институт Государственной противопожарной службы МЧС России
n.nature@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПОЖАРНЫХ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.©

Тушение пожаров в городах и селах России много столетий осуществлялось населением сначала в виде взаимной помощи при несчастье, затем в порядке натуральной пожарной повинности. К тушению пожаров привлекалось необученное и неорганизованное взрослое мужское население. Тушение проводилось стихийно, без каких-либо руководящих правил и инструкций. Практика показывала, что силами населения можно было справиться лишь с небольшими локальными пожарами. В случае если огонь охватывал не один, а несколько домов, усилия жителей оказывались безрезультатными. Для эффективной борьбы с огнем необходимы были специальные знания и навыки.

29 ноября 1802 года принимается Указ об организации в Санкт-Петербурге постоянной пожарной команды [8, с. 168]. На ее содержание выделялись государственные средства. Команда была сформирована весной 1803 г. По примеру северной столицы в других городах Российской империи начали формироваться профессиональные пожарные части.

Как и в любом новом деле, в процессе формирования пожарных команд возникали трудности. Прежде всего, не хватало специального пожарного оборудования. Однако самая большая проблема заключалась в острой нехватке специалистов пожарного дела, способных выполнять обязанности брандмейстеров, т.е. начальников пожарных частей. На этих должностях нередко оказывались люди, не имевшие не только никакого опыта в пожарном деле, но и просто не способные обращаться с техникой.

Подбор кадров для руководства пожарными частями входил в обязанности обер-полицмейстеров. Среди них редко встречались лица, компетентные в вопросах пожаротушения и способные оценить должным образом возможности того или иного претендента на должность брандмейстера. При этом необходимо отметить,

© Новичкова Н. Ю., 2012